

Криминальный роман:
любовь и преступление

Анна Данилова

ПАРИЖ НА ЧАС

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Дизайн обложки *Н. Каптыкиной*

Данилова, Анна Васильевна.

Д18 Париж на час : [роман] / Анна Данилова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-196077-3

В квартире, принадлежащей Екатерине Рыжовой, находят труп зверски убитого Михаила Вершинина. Екатерина утверждает, что никогда его не видела, а квартиру сдавала совершенно другому мужчине. У следователя Седова есть все основания сомневаться в ее словах, ведь в какой-то момент Катя случайно роняет фразу о том, что Вершинин был редким подонком. Впрочем, скоро выясняется, что причины убить Вершинина были у многих... Но, помимо поисков убийцы, Седову приходится заниматься личными делами — жена сбежала от него с другим мужчиной, да не куда-нибудь, а в Париж...

УДК821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Текст. А. Дубчак, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-196077-3

1. Седов

— Вот интересно, что же такого он мог совершить, что его зарезали как поросенка...

Валерий Седов, следователь следственного комитета, пожал плечами, глядя на то, как подошвы новеньких кроссовок судмедэксперта Алика Гарина, хрупкого брюнета с копной черных кудрей, окрашиваются разлившейся по паркету кровью жертвы — крупного мужчины с яйцеобразной головой с полными щеками, большими ушами и сверкающей во время вспышки фотоаппарата бледной лысиной. Алик не был циником и ко всем жертвам относился с сочувствием, поэтому оброненная им фраза о поросенке не произвела на Седова никакого впечатления. Чего нельзя было сказать о самой жертве — вот она точно впечатлила. Жестокое убийство! Убийца просто исколол его ножом. Четыре удара были нанесены в живот, в разные его места, когда же труп перевернули, оказалось, что еще один удар пришелся в спину, в область правой почки.

— Это могла сделать женщина? — спросил Седов у Гарина.

— Могла, но только в том случае, если она накачана, как мужик, или же если первый удар был нанесен, скажем, неожиданно и сзади, и это он свалил жертву с ног, а остальные она наносила в порыве ярости, куда придется.

— Понимаю.

Большая трехкомнатная квартира производила впечатление нежилой. Какое-то все было грязноватое, непромытое и унылое. Цветов на подоконниках не было, шторы казались пыльными, ковры — вытертыми, на кухне — какая-то случайная посуда, коричневый изнутри заварочный чайник, пожелтевшая занавеска на окне, а в углу за холодильником с просроченными продуктами (мясными и сырными нарезками, засохшим тортом и кистью вялого винограда) целое войско пустых бутылок из-под пива, вина, водки и шампанского.

В спальне в шкафу Седов нашел несколько новых самых дешевых комплектов постельного белья в целлофане, а в ванной комнате в корзине для грязного белья — ворох использованных простыней и наволочек.

В прикроватной тумбочке — разноцветные пачки презервативов, тюбик с гелем и разные штуки, секс-игрушки, о предназначении которых можно было только догадываться.

В прихожей вдоль плинтусов искрились мелкие зеркальные осколки. Вероятно, на стене когда-то, вернее, совсем еще недавно, висело зеркало. Вот и гвоздь, на котором оно могло висеть. Кто-то подмел, но особо не парился, крупные куски зеркала

вынес из дома (в мусорном ведре не нашлось ни одного осколка), стеклянная мелочь застряла в коврике и в углах прихожей. Там же Седов увидел зуб. Неестественно белый резец.

— Посмотри на его зубы, передние...

— Это импланты, все на месте, — отрапортовал Алик, заглянув в рот трупа.

В квартире было много чего интересного, что предстояло изучить, чтобы больше понять как о самой квартире, так и о ее обитателях. Но самым интересным было содержимое мусорного ведра. Эксперт Сережа Сторожев, вывалив на пол дурно пахнущий влажный растрепанный ком мусора, опустился перед ним на корточки и внимательнейшим образом принялся его изучать.

— Ищите оружие убийства, — твердил, как заклинание, Седов, осматривая каждый сантиметр квартиры. — Найдем нож — найдем и убийцу.

— Да нет его нигде... Убийца же не дурак, ясное дело, забрал с собой, чтобы потом выбросить.

— А по мне, так он дурак. Зачем было убивать в квартире? Наш убийца — человек вспыльчивый, злобный, доведенный до крайней точки. А потому, предполагаю, убийство непреднамеренное, он к нему не готовился. Не планировал. Скорее всего, он находился в невменяемом состоянии, а потому, если и понимал, что от ножа нужно избавиться, мог сунуть его в самое глупое место. К примеру, просто выбросить в окно. Или, как это нередко делается, в мусоропровод.

Убитого звали, судя по тем документам, что были найдены в кармане его джинсовой куртки, Михаил Юрьевич Вершинин, 1984 года рождения. Несколько ярко-желтых, канареечного цвета визиток указывали на то, что господин Вершинин был директором мебельной фабрики «Соренто» («Sorento»).

— Может, какой-нибудь клиент, купив его диван, провалился на пол или поцарапал задницу торчащей пружиной? — мрачновато пошутил Сергей, разглядывая визитки.

— Да, поцарапался пружиной и разозлился так, что нашел Вершинина и набросился на него с ножом. Ничего так версия. Сильная.

Спустя время он уже знал, что квартира принадлежит гражданке Екатерине Борисовне Рыжовой, 1988 года рождения. Здесь же, по этому адресу, она была и зарегистрирована.

— Может, и зарегистрирована, да только не проживала она здесь, — сказал Сергей, покончив возиться с мусором и упаковав в пакеты все то, что показалось ему полезным и интересным, что могло бы пролить свет на убийство. — В ванной комнате есть несколько женских вещей, халат, коробка с прокладками, шампунь и прочее. Но всем этим могли пользоваться разные женщины. Это я к тому, что, скорее всего, эту квартиру снимали для свиданий, и вполне вероятно, что снимал ее как раз наш труп... Вершинин.

— Что с замком, Сережа?

— Чисто внешне все выглядит так, как если бы его не взламывали, но точнее я скажу после экспертизы.

— Вот, держи, я собрал несколько осколков зеркала. Обрати внимание на вот этот, он довольно крупный, отлетел за напольную вазу. Видишь, на нем красный след? Это не кровь, сам можешь убедиться. Предполагаю, что это губная помада. Возможно, на зеркале была сделана надпись губной помадой.

Труп гражданина Вершинина обнаружили не соседи (как это чаще всего случается), а разносчик пиццы. Молодой паренек, доставивший пиццу заказчику с этого же этажа, обратил внимание, что дверь соседней квартиры приоткрыта. Может, он и прошел бы мимо, если бы любопытство не взяло верх и он не открыл дверь шире. Вот тогда он и увидел лежащего в луже крови мужчину. Вызвал полицию.

Заказчика пиццы, молодого парня, звали Станислав. Провода от плеера, похоже, вросли в его уши, он, даже разговаривая с полицейским, продолжал слушать какую-то свою ритмичную музыку. На все вопросы, связанные с соседней квартирой, он, пальцами нервно расчесывая свою светлую гриву, отвечал однозначно: нет, не знаю, нет, нет... Ничего не видел, не слышал, не знаком. Он даже не знал в лицо хозяев квартиры!

Седов спросил, он сам-то снимает квартиру или является собственником. Станислав с кислым

видом, — мол, отстаньте уже от меня, — сказал, что живет он здесь, на Руставели, с самого рождения, что «родаки» на даче, а он отдыхает от них дома.

Седов подумал, что будь Вершинин убит выстрелом, вот тогда бы Станислав, возможно, и услышал звук. А так — вскрик, стон... Конечно, если он весь в музыке или режется в компьютерную игру, то на самом деле мог ничего и не услышать.

В этой старой, советских времен многоэтажной постройке из темного кирпича было два входа. С самой улицы Руставели невозможно было войти не замеченным камерой видеонаблюдения, установленной как раз над парковкой автомобилей. Однако с другой стороны дома, с черного, так сказать, входа, можно было войти незаметно — там камер почему-то не было. Поэтому заниматься этой темой было абсолютно бесполезно. Хотя Алик считал как раз наоборот:

— Если убийство было совершено в состоянии аффекта, как ты и сам не отрицаешь, то вполне возможно, что убийца вошел, как и предполагается, с центрального входа в дом, не подозревая о том, что вскоре прирежет Вершинина, а вот выходил, уже по уши в крови, точно через черный ход.

— Тоже правильно, — как-то сразу согласился с ним Седов.

Никто из его окружения не знал, чем обеспокоен в последнее время Валерий, о чем думает и переживает. Еще не так давно он был абсолютно счастлив со своей женой Сашей и маленькой дочерью Машей, и все было прекрасно. Никаких ссор,

конфликтов. Саша была понимающей женой, редко когда упрекала его за долгое отсутствие дома, работу допоздна, ночные вызовы, словом, старалась не трепать ему нервы и, даже наоборот, пыталась сделать так, чтобы дома Валера чувствовал себя спокойно. Окружала его заботой и нежностью.

И вот в какой-то момент с ней что-то произошло. Однажды она сказала ему за ужином, что так больше не может. И что дело не в нем и его работе, а в ней самой. Что она чувствует, как стала деградировать. Что устала сидеть дома с дочкой и заниматься исключительно домашними делами, которым нет конца. Что она уже не может видеть кухню, кастрюли, котлеты и супы. Что хочет вернуться на работу, что ей уже несколько раз звонили потенциальные заказчики, которые хотели, чтобы она, художница по интерьеру, написала им стены. Что она ночами, когда Валерия не бывает дома, рисует эскизы будущих работ, что она просто задыхается дома, что ей плохо, что ее уже тошнит от быта... Словом, она затронула тему, весьма болезненную для Седова — няня. Не так давно он расследовал одно убийство, где подозреваемой проходила как раз няня одного семейства, и там вскрылись такие вещи, от которых у него, у мужика, просто крышу сносило. К счастью, выяснилось, что хозяйку дома убила не она; но в материалах дела были такие фотографии и видео, где няня издевается над маленьким ребенком, что просто мороз по коже. Седова просто распирало от желания показать их жене, чтобы ей больше

никогда в голову не приходило доверить Машеньку постороннему человеку, но он только рассказывал ей обо всем этом в красках. А когда Саша все же завела разговор о няне, пожалел, что в свое время не показал ей этот материал, не желая травмировать: возможно, после этого жена не стала бы поднимать этот вопрос.

Ему, следовательно, часто сталкивавшемуся со злом, с преступниками, конечно, было спокойнее знать, что его жена сидит дома с дочкой. Что в стенах своей квартиры они защищены. Ему казалось, что Саша счастлива в своем материнстве, и совсем не ревновал ее к дочери, как это случалось в других семьях, где муж переживал по поводу того, что жена растворилась в детях и перестала обращать внимание на него, на мужчину. Наоборот, Седов, занятый на работе и много времени проводящий вне дома, постоянно думал о своей семье, и это придавало ему сил, и домой он просто летел, стремился поскорее увидеть Сашу с Машей, обнять их, прижать к себе. Они были смыслом его жизни. И если его знакомые мужчины в разговорах сетовали на то, что их жены, родив, переставали следить за собой, и это ставилось им в вину, а мужьям развязывало руки, и они спокойно позволяли себе ходить налево, то Седову нравилось в своей жене абсолютно все. Да, располнела, руки не ухожены, волосы иногда растрепаны, да и устает сильно, вечером уже едва добирается до кровати, ну и что? Она — родной ему человек, и он спокойно переживет какие-то временные особенности ее

положения, да он вообще не обращает внимания на все те мелочи, которые другие мужчины используют, как козыри, позволяющие им с легкостью предавать своих жен, изменяя им.

Но это он, Седов, принимал все происходящее с Сашей как должное, а вот она сама — нет. Конечно, он понимал ее; до родов она была другая, погруженная в творчество, энергичная, окруженная состоятельными заказчиками и какая-то летящая, переполненная идеями, и взгляд ее был загадочный, словно она смотрела на Седова из своего, скрытого ото всех мира. С рождением дочери она изменилась, но взгляд ее по-прежнему оставался таким же, и в нем светилось счастье. Сейчас же, когда она, возможно, пресытилась этим своим новым ощущением, ей захотелось большего — вернуться в мир, к людям, захотелось относительной свободы, творчества, признания.

— Саша, ты готова доверить Машу чужому человеку?

— Я постараюсь найти хорошую няню, — уклончиво ответила она, отводя от него взгляд.

Он понимал, что жена не является его собственностью и не принадлежит ему. Ни один человек не может всецело принадлежать другому. Хотя, вот если взять, к примеру, самого Седова, то он хотел бы быть собственностью Саши и принадлежать ей. Или это только слова, за которыми прячется его личная свобода, оправданная его профессией? Что, если его самого запереть в квартире с дочерью, лишив работы и той привычной, пусть и

полной опасностей, жизни? Как он бы себя повел? И как долго бы продержался?

Сослаться на нехватку средств он не имел права — Саша до родов успела заработать столько на своих заказах, сколько он не заработал бы и за несколько лет работы в следственном комитете.

Он не имел права запретить ей жить так, как ей хочется, это означало бы, что он запрещает ей быть счастливой.

— Хорошо, ищи хорошую няню, — сказал он с тяжелым сердцем.

...Дело Вершинина обещало быть сложным. Седов это чувствовал. Убийца на самом деле действовал под влиянием сильнейших эмоций. По мнению следователя, смерть Вершинина была связана с чувственной стороной его жизни. Это не деньги, не профессия... Он сделал что-то такое в своей жизни, что разрушило другую жизнь, сделало ее невыносимой.

Ревность. Седов довольно часто сталкивался в своей практике с убийствами на почве ревности. Ревность, как предательство. Убитый изменил женщине, разрушив ее мир. Он предал ее. Она, живя с ним или общаясь, представляла себе его другим, ею же наделенным несуществующими качествами, и была счастлива с ним ровно до тех пор, пока не убедилась собственными глазами (или ушами) в том, что жила со скотом, снимавшим квартиру для своих свиданий со шлюхами. Или же, что еще хуже, с самой близкой подругой или, скажем, сестрой

той, что стала сегодня утром убийцей. Возможно, в этой истории вскоре появится и еще один труп — женский.

Седов в очередной раз обошел квартиру. Грязное белье — вот что может стать уликой. И хотя копать в грязном белье считается неприличным, но только не для следователя, расследующего убийство. На белье убийца, а скорее всего, свидетель, мог оставить свой автограф — ДНК. Вот только с чем его сравнивать? С ДНК самого Вершинина или женщин из его близкого окружения... Сколько же людей ему придется допрашивать, присматриваться к ним, изучать их образ жизни. Кто-то да проговорится о любовницах Вершинина.

В дверях квартиры появился оперативник, рядом с ним Седов увидел молодую женщину. Невысокого роста, с ярко-рыжими растрепанными волосами и темными, какими-то страшными глазами. На ней было надето короткое черное платье с белым воротничком, смахивавшее на форменную одежду.

— Рыжова, хозяйка квартиры, — доложил опер Седову.

2. Катя

Мила. Я поначалу и не поняла, что дело пахнет жареным. Ну, пришел следователь, начал задавать какие-то вопросы о Кате, ну, я так поняла, как о хозяйке той самой квартиры, где произошло убийство. А что я-то, ее соседка, могла о ней рассказать?